

Премия Бабеля. Итоги первого сезона

ПРЕМИЯ БАБЕЛЯ

13 июля в Золотом зале Одесского литературного музея были в торжественной обстановке подведены итоги первого сезона награждения лауреатов премии Бабеля.

Но еще до этого, 12 июля, в Одессе состоялся массовый праздник любви к слову, к литературе. Флешмоб "Одесса читает, Одессу читают" растянулся на много кварталов от здания Литературного музея на Ланжероновской, мимо Оперного театра, по Ришельевской до памятника Исааку Бабелю. В этом литературном флешмобе приняли участие более тысячи человек.

Но вернемся к результатам конкурса.

Специальный приз "За всё..." — Михаил Жванецкий.
Специальный приз "За развитие бабелевских традиций в жанре одесского рассказа" — Георгий Голубенко (посмертно) за книгу "Рыжий город".

Третье место — Алексей Геденов (Киев) за рассказ "Середина снега".
Второе место — Анна Бердичевская (Москва) за рассказ "Русский доктор".
Первое место — Марианна Гончарова (Черновцы) за рассказ "Янкель, инклюин барабан".

Все тексты награжденных рассказов можно прочесть на сайте "Бабелевская премия" и сайте Всемирного клуба одесситов.

Е. Г.

Тина АРСЕНЬЕВА

Фатальный уголок в раю

"Пятьдесят пять лет в музее, — говорит она о себе. — Слышу стихийным бедствием: торнадо и цунами в одном лице. А всё из-за моей близости к природе".

Да уж. Если речь о ней, то непременно с полудульбой: то — восхищения, то — легкого, подчас досадливого, недоумения; то — умиления, словно взрослые говорят между собой об эскападах малого ребенка, их ребенка. Ну, характер!.. Темперамент сокрушительный, в гнев она впадает так же легко, как и в восторг, и выражает то и другое с полной непосредственностью: пусть и в оборотах академически вежливых, но абсолютно не считаясь с условностями политеса. "После смерти я стану кошкой", — убеждена она, ибо всерьез верит в реинкарнацию, а буддизм относит "скорее, к науке, чем к религии". В ее одноэтажном жилище где-то там, на Большом Фонтане, целая комната с отдельным, по счастью, входом отведена кошкам, приваженным со всей округи. Она подкармливает и всех окрестных бездомных собак, полагая, что ответственна за их судьбу. Всё это — на скромную зарплату искусствоведа. Она убежденная вегетарианка. Она любит Христа. Просто так, без посредничества. Она любит еврейство как начало начал человечности. Она всегда старается что-то тебе — дать. Угостить. Подарить. Но взять что-либо — чаще всего наотрез: попробуйте убедить. Ну разве что — книгу. Она выслушивает — всех. И тут же выдает вердикт. Нелицеприятный. Она говорит — формулами, афоризмами, цитатами...

И — при всех ее эксцентричностях — о ней неизменно говорят с интонацией глубокого уважения. Она — "факт музейной жизни": старейший на сегодня (с 7 января 1962 года) научный сотрудник Одесского музея западного и восточного искусства Елена Николаевна Шелестова, специалистка по художественной культуре Китая и Японии. Недавно, 28 августа, ей исполнилось 81 год.

Наше с ней знакомство в 1991 году началось с ее мне блиц-лекции — сравнительного анализа особенностей ритма в японском и китайском изобразительных искусствах. Будучи влюбленной в искусство Дальнего Востока чисто как театральный художник и, если честно, не особенно жаля, за немногими исключениями, "околоведов", я в аналитические тонкости поверки алгеброй гармонии, разумеется, не вдавалась. А тут меня наповал сразили отточность формулировок, глубина и внятность аргументации.

Это знакомство, совершенно случайное, оказалось для меня судьбоносным. Было так. В музейном фойе подошла ко мне худенькая женщина и скромно сказала: "Здесь открылась выставка моего покойного мужа — зайдите, взгляните". Из вежливости я шагнула на порог зала — а я всегда уже на пороге знаю, переступлю я его или поверну обратно... и обмерла. Это было, говорю без пафоса, как шаг в запретный мир. Туда, где в начале было Слово, но не в форме звука или символа, каковым является буква, а Слово как первотолчок — первичное ритмическое колебание, породившее тот взрыв, из которого, так считается, возникла Вселенная. Почему "так считается"? А уж это — область недоказуемого, в коей наука перетекает в мистику и Эйнштейн принимается рассуждать о том, играет ли Бог в кости.

В этом первотолчке содержались и содержатся все возможные смыслы и понятия, выраженные впоследствии в словах и образах, звуках и изображениях. Не многим на нашей планете дано уловить всем своим естеством эту всеобъемлющую божественную энергию, эти ритмические колебания: стать своего рода космической антенной. А "местный" художник, чьи работы я тогда впервые в жизни увидела в зале ОМЗВИ, он был именно таков:

он был — "проводник". Имя его — Олег Соколов. Его средством художественного выражения был — ритм; и ритм же был — содержанием его композиций. Ритмические пульсации этих графических листов воспринимались и воспринимаются как внесловесный, внеобразный, предельно насыщенный информационный поток. Как некий способ коммуникации в очень отдаленном будущем.

Олег Соколов, которого я ни разу не видела — та выставка 1991 года состоялась в первую годовщину его смерти, с порога сделал меня своим апологетом. С тех пор я немало о нем была наслышана, немало и написала на газетных страницах... да полно: не считаю я, что написала достаточно и для всех убедительно. Ибо Олег Соколов по сути своей художник настолько "впередсмотрящий", а внешние приемы так называемого абстракционизма, которому, опять же внешне, принадлежит искусство Соколова, до того растражированы и спрофанированы, что драматическая "невстреча" художника со зрителем происходит слышно и рядом. Олег Соколов — из области недоказуемого: из когорты великих мистиков.

И много мистического было в этом супружеском союзе: Елена Шелестова — Олег Соколов. В строгом смысле она была — его ученица; он увлек ее, уже будучи ее мужем, искусством Японии, сам оказавшись автором удивительной атрибуции: определил в музее подлинность цикла гравюр Утамаро (в 1972 году об этой сенсации сообщила миру японская "Асахи"). Ученица — да; жена — да; но — тут парадокс — вряд ли Муза: она была — Соратницей. Она была самодостаточна, правдива и непреклонна...

И, всё постигнув, на краю У непостигнутой Вселенной
Моя троянская Елена
Мне уголок хранит в раю.

Это его стихи — о ней. Ничего себе парадокс, а? "Ничего не нужно понимать. Нужно — воспринимать", — говорил Олег Аркадьевич Соколов, художник и искусствовед энциклопедической эрудиции. Он был помимо всего графологом — умел по почерку прочесть характер и будущее. "Он раньше меня знал, что мы будем вместе", — вспоминает Елена Николаевна. "Знал" — по какой-то ее докладной записке, на которую бросил случайный взгляд в приемной. Ведь в почерке сказываются — ритмы: энергетические импульсы, к которым Соколов был чуток на грани сверхъестественного. "Он увидел в моем почерке нашу с ним общую судьбу. Бывает у них такое, у этих магов".

...Она с "красным" дипломом филфака Одесского университета поступила на работу в музей, где Олег Соколов был научным сотрудником с 1948 года. Ее восприняли скептически: "литературница" — и поставили условием выучиться на факультете теории и истории искусств; что она и проделала весьма успешно — в знаменитом Ленинградском институте имени Репина. Тогда, в начале 60-х, возникло сообщество искусствоведов-"природников": термин принадлежал авторитетному теоретику изобразительного искусства Василию Тасалову, по сути же, речь шла о новом для советского искусствоведения методе — о моделировании, в русле системного анализа.

...Олег Соколов отозвался о начинающем музейщике Шелестовой, по почерку же, так: "Это будет искусствовед экстра-класса". И не ошибся. Москва включила Елену Шелестову в десятку самых глубоких искусствоведов-востоковедов СССР. Сквозная тема Шелестовой — "реакция навязанного, или усвоенного ритма" (и супружеский союз с художником — адептом ритма — тут как перст судьбы: нашли друг друга!).

"Экстремально интересной" признали специалисты США статью Шелестовой "Дух природы в китайской и японской ландшафтной живописи", опубликованную в журнале "Язык дизайна" (г. Сан-Франциско).

"Я вначале полюбила современное искусство, а затем — Олега Соколова, — улыбается Елена Николаевна. — Я никогда не готовилась быть знаменитой. Но состоялась потому, что стала сострадательной спасательницей. Его. Кошек. Собак. Муравьев, — ("О, цветочки Франциска Ассизского!" — воскликнул, помнится, по схожему поводу искусствовед-писатель Анри Перрюшо.) — Моя миссия при Олеге была — миссия спасания".

Это истинная правда, чему живая "реликтовая" Одесса свидетель. Когда скромную выставку Соколова в Союзе писателей, состоявшуюся в 60-х, "раздолбали" сами же писатели (защищали художника только Иван Гайдаенко и Станислав Стриженюк, что требовало немалого мужества, потому что с "абстракционистами" в те "вегетарианские" годы не церемонились), когда Олега Соколова шельмовали в городских газетах, она, "троянская Елена", поддерживала мужа во всех отношениях. И морально. И материально — то есть никогда ни на что в смысле семейного благосостояния не претендуя и ничем не попрекая. И, что скрывать, физически: когда от отчаяния непризнанности, от враждебности "братьев во палитре" художник, бывало, круто "уходил в штопор" и бесчувственный лежал на тротуаре у здания пресловутого Союза...

"Мне встретился на жизненном пути гений, которого пинали и размазывали по асфальту. Спасая его, я состоялась, — говорит сегодня Елена Николаевна. — Я не горжусь. Я — подчиняюсь".

"Твоя сфера — генетика и физика", — парадоксально внушал художник жене-искусствоведу, которая с его подачи принялась всерьез изучать геологию Китая. Старожилы помнят: коллеги по живописному цеху Соколова не прасновали — его всегда окатывали представители научно-технической интеллигенции. Ибо искусство Соколова — повторюсь, но тут точнее не скажешь — можно выразить чеканной формулой Марины Цветаевой: "Закон звезды и формула цветка", — открытые... во сне. Соколов ведь тоже был интуитивист и в жене ценил — интуицию.

1979 год — шестидесятилетие Олега Соколова. Фото Ильи Гершберга